

306

Лук. Французский
20. XI. 1917

306 нпз

ЗДРАВСТВУЕТЬ
РЕСПУБЛИКА!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 30 К. И НА СТ. 35 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ ЖЕЛ. ДОР.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

1917
№ 13

№ 13

Рис. Ре-ми.

2 АПРѢЛЯ 1917

РОССІЙСКІЙ ЦАРСТВОВАВШІЙ ДОМЪ...
(Экстренное прибавленіе къ календарю Латука на текущій годъ.)

КЪ УПРАЗДНЕНІЮ ОРДЕНОВЪ.

Чистятъ платье...

КЪ РОДНОЙ РУСИ.

Свалилась власть, гнила и ржава,
 При ликованьи вешнихъ струй...
 Гордись, мужицкая держава,
 И никого не коронуй!
 Забрось подальше тронъ и бармы,
 Дубинку плохо не клади, —
 Не то охранки и жандармы
 Опять повиснутъ на груди.
 Не подноси ко рту тирана
 Добытый кровью каравай;
 Умно бодливаго барана
 Въ невинномъ агнцѣ прозрѣвай!
 Припомни, Русь, какъ ты сглупила,
 Когда разруху покоря,
 Юнца-тихоню посадила
 На опустѣлый тронъ царя.
 Какъ ты, могилу волѣ вырывъ,
 Лелѣяла подъ свистъ бичей
 Благочестивѣйшихъ вампировъ
 И августѣйшихъ палачей.
 Кровавою кошмарной мессой
 Тянулся пиръ «земныхъ боговъ»,
 И ладанъ дымною завѣсой
 Скрывалъ дѣла твоихъ враговъ.
 ... Грозой развѣянъ тлѣнь порочный,
 Ликуетъ русская душа:
 Не до свободы худосочной,
 Бери свободу-крѣпыша!
 Припомни, Русь, какъ, чуя силу,
 Звѣрѣли русскіе цари, —
 Не прикрѣпляй вѣнцовъ къ кормилу,
 И правъ могучихъ не дари!
 Сіяетъ славою всесвѣтной

Твоя прекрасная глава.
 Блюди жъ, какъ оберегъ завѣтный,
 Свои державныя права!
 И пусть съ семнадцатаго года
 Въ вѣкахъ царятъ изъ рода въ родъ
 ЕГЯ ВЕЛИЧЕСТВО СВОБОДА,
 ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО НАРОДЪ!

Красный.

НОВЫЙ НЕСТОРЪ ЛѢТОПИСЕЦЪ.

Николай II, заключенный въ царскосельскомъ дворцѣ, пишетъ исторію своего царствованія.

Отъ издателя:

Однажды ночью пишущій эти строки, обманувъ бдительность стражи, стерегущей бывшего царя, пробрался въ царскосельскій дворецъ и, подобравъ ключъ къ ящику письменнаго стола, попросту говоря, утащилъ рукопись, озаглавленную: «Исторія моего царствованія».

Вотъ подлинный текстъ этой «исторіи»:

I.

Наконецъ-то я собрался описать исторію моего царствованія. Раньше было некогда: то то, то се мѣшало. Надо признаться — времени на царствование уходитъ уйма: то тѣхъ прими, то тѣмъ скажи рѣчь, то бумаги подписывай. Бываютъ такіе дни, что и минутки не урвешь посидѣть на тронѣ. А какой же это царь, который не сидитъ на тронѣ. Я самъ понимаю свои обязанности передъ народомъ и жалованье по цивильному листу не даромъ получаю... Обязанностей у царя масса, а удовольствіе—какое? Только и всего, что поданные при каждомъ подходящемъ и неподходящемъ случаѣ «Боже, царя храни» орутъ.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 Ленинград
 II 198/РП - 4422/2 Сх 13128

Вот надоѣла пѣсня! А приходится слушать, да еще дѣлать веселое лицо.

Вот тебѣ и «Боже, царя храни!»

Сколько ни пѣли, все-таки не сохранилъ меня Богъ... Сорвалось.

Впрочемъ, не буду забѣгать впередъ.

Ну-съ... Итакъ, съ чего же начать? Начну съ дѣтства.

II.

Помню себя мальчикомъ. Папа у меня былъ большой, толстый, съ рыжей бородой, и пилъ довольно сильно.

У каждого монарха, по-моему, есть своя излюбленная историческая фраза...

У моего коллеги Генриха IV было изреченіе насчетъ курицы въ супѣ, у Людовика «Государство — это я», у другого Людовика «Послѣ меня хоть потопъ», а у моего папы была тоже своя фраза:

«По одной не закусываютъ».

Я хотѣлъ даже на его памятникъ эту фразу высѣчь, но мама меня отговорила.

Сочинилъ и я себѣ собственную историческую фразу.

«Прочелъ съ удовольствіемъ».

Много мнѣ огорченій доставили эти три проклятыхъ слова! Бывало, какую дрянъ ни прочтешь — все твердишь: прочелъ съ удовольствіемъ, прочелъ съ удовольствіемъ. Одинъ разъ такъ мнѣ надоѣло, что я даже хотѣлъ стянуть у отца другую его историческую фразу, чтобы писать ее на всѣхъ докладахъ моихъ министровъ:

«Уберите отъ меня эту свинью».

Гораздо больше она подходила.

III.

И зачѣмъ я пошелъ въ наследники — не понимаю. Однажды цѣлый день проплакать.

Зоветь меня къ себѣ папа и говорить:

— Тебѣ нужно жениться.

Я очень сконфузился и говорю:

— Ну, хорошо. У меня уже и невѣста на примѣтъ есть — одна фрейлина.

Папа чуть въ обморокъ не упалъ.

— Что ты, что ты! — кричитъ. — Развѣ русскому царю можно на русской дѣвушкѣ жениться?! Обязательно надо, чтобы нѣмка была!

— Да мнѣ русская нравится, папа!

— Мало что нравится. Нельзя. Нужно соблюдать чистоту крови. Признали мы за благо посватать тебѣ принцессу Алису Гессенскую.

Я за словомъ въ карманъ не полѣзъ:

— А я призналъ за благо не жениться на ней. Тоже важное кушанье — нѣмка!

— А я тогда признаю за благо лишить тебя престола! — воскликнулъ разгнѣванный отецъ.

Поплакалъ я послѣ этого, поплакалъ, но призналъ за благо жениться на Алисѣ.

Познакомились. Нѣмка, какъ нѣмка. Лицо пріятное, чистое, но злое. Вотъ, навѣрное, будетъ пилить меня!

Такъ и было.

Впрочемъ, и я придумалъ, чѣмъ ей насолить: ввязался въ войну съ нѣмцами. Вотъ-то бѣсится.

Но не буду забѣгать впередъ.

IV.

Ну-съ — короновался я на царство. Дѣло произошло въ Москвѣ 14 мая.

Всѣ, кому приходилось короноваться, знаютъ, что это за сахаръ — устанешь и измучишься такъ, что ногъ подъ собой не слышишь.

Тогда же въ первый разъ надѣлъ шапку Мономаха. Дѣйствительно, тяжелая — фунта 4 вѣсу. Правду сказалъ поэтъ:

О, тяжела ты, шапка Мономаха!

И откуда поэтъ это узналъ? Неужели, самъ надѣвалъ? Странно.

Если бы кто зналъ, какъ трудно въ парадномъ царскомъ

платьѣ сохранить царственный видъ: въ одной рукѣ скипетръ, въ другой держава, корона на глаза лѣзетъ, а въ горностаевой мантии запутался и чуть не упалъ.

Трудно быть Помазанникомъ Божиимъ.

V.

По цивильному листу получаю жалованья 24 милліона въ годъ.

Немного это, конечно, но жить можно.

VI.

Въ этой главѣ хочу записать, какія вель войны.

Ну, первая совсѣмъ маленькая. Вель я ее, когда еще былъ наследникомъ — съ Японіей. Война была неудачная: за оскорбленіе какихъ-то религиозныхъ святынь былъ подъ Отсу разбитъ на голову. Долго мечталъ о реваншѣ...

Вторая война... Ну, это тоже не война, а такъ себѣ, пустякъ. Одна только и была битва: подъ Ходынкой. Здѣсь никто не побѣдилъ.

Третья... Наконецъ-то я дорвался до настоящей войны — съ японцами! Вспомню я вамъ Отсу! Повоевалъ. Война окончилась, къ сожалѣнію, ни въ чью. Японцы получили Портъ-Артуръ, а мы — полъ-Сахалина. Впрочемъ, съ Сахалиномъ произошла какая-то путаница. Насколько я помню, онъ до войны былъ нашъ. Ну, да не жалко. Какъ говорится: владѣй Фаддей моей Маланьей. Все равно, тамъ ни удѣльныхъ, ни кабинетскихъ земель нѣтъ.

Четвертая война была самая для меня удачная: 9 января 1905 года врагъ былъ разбитъ на голову и позорно бѣжалъ. Я стоялъ у окна своего дворца и самъ руководилъ битвой. Ночью мнѣ снился Наполеонъ. Будто пришелъ съ треуголкою, снялъ ее и говорить: «Здравствуй, побѣдоносный коллега!» Я, признаться, даже во снѣ разговаривалъ съ нимъ неохотно: во-первыхъ, не Помазанникъ, а во-вторыхъ, паренекъ подозрительныхъ кровей. Не люблю разночинцевъ.

Пятая моя война — съ нѣмцами. Между нами говоря, я и ввязался-то въ нее только потому, чтобы насолить моей женѣ. Пусть позлится. А то она такой верхъ взяла, что прямо дышать нельзя. Повоюемъ, повоюемъ. Я хочу самъ быть главнокомандующимъ. Надо же и поработать. Не даромъ же я жалованье свое получаю.

Ну, вотъ и сталъ главнокомандовать.

Конечно, въ этомъ дѣлѣ не только розы, но и шипы есть. Недавно, на примѣръ, сообщаютъ:

— Сухомлиновъ оказался измѣнникомъ.

— Быть не можетъ, — удивился я. — Онъ такъ хорошо анекдоты рассказываетъ.

Оказывается, правда. Вотъ тебѣ и анекдоты.

Огорчился я, получивъ это тяжкое сообщеніе, но нечего дѣлать написалъ на докладѣ:

«Прочелъ съ удовольствіемъ».

Ну, и выдумалъ себѣ фразочку.

VII.

Въ области внутреннихъ реформъ мною тоже сдѣлано не мало.

Объ евреяхъ заботился, какъ никто другой. Только почему русскій народъ имъ все погромы устраиваетъ? То Кишиневъ, то Одесса, то Гомель. Будто бы главное занятіе моихъ вѣрнопопданныхъ не хлѣбопашество, а добываніе пуха изъ еврейскихъ перинъ.

Даже въ Минскѣ былъ погромъ.

Прочелъ съ удов... Тыфу, ты, вотъ навязалось!

Главная же моя реформа это — конституція. Далъ я ее послѣ нѣкоторыхъ непріятностей, но потомъ постепенно стало все успокаиваться. Бывало,

Рис. А. Радакова.

...И на лентѣ ведетъ собаченку.

каждый день печатались телеграммы: въ Кіевѣ успокоилось 7, въ Одессѣ 14, въ Варшавѣ 5...

Прочель съ удовольіемъ... Гм!

VIII.

Въ настоящее время, чувствую такую усталость, что рѣшилъ отречься отъ престола. Да право! Надоѣло царствовать.

Такъ и написалъ въ манифестѣ: «Признали мы за благо».

Всѣ меня упрашивали, на колѣняхъ стояли, а я говорю: «Нѣтъ. Будетъ. Поцарствовалъ и довольно».

Народъ и армія, конечно, впали въ глубокое уныніе: въ знакъ траура надѣли красныя повязки и играли похоронный маршъ, «Марсельезу».

И такъ мнѣ ихъ, безпризорныхъ, жалко сдѣлалось, что втайнѣ рѣшилъ: если еще начнутъ просить вернуться — вернусь. Все-таки они хорошій народъ.

Пока что, призналъ я за благо жить въ царскосельскомъ дворцѣ. Ъхать никуда не хочется. Дороги плохія.

IX.

Вру я все! И чего я вру, прости меня, Господи. Это тоже въ родѣ моего: «Прочель съ удовольіемъ».

Правду сказать? Не я самъ отрекся и ничего я не «признавалъ за благо», а просто пріѣхалъ Гучковъ и разсчиталъ меня. И какъ некрасиво разсчиталъ: даже за двѣ недѣли не

Гис. Ре-ми.

ПРОДЕШЕВИЛИ.

Смиранный владыка: — О, Иисусе Сладчайшій! Боже мой, Боже мой! И такого челоуѣка продать всего за 30 серебрениковъ! Вдвое можно было взять!

Р А З О Г Н А Л С Я.

Русскій эсдекъ: (изъ „Правды“): — Товарищъ нѣмецкій рабочий! Протянемъ другъ другу руки!
Нѣмецкій эсдекъ: — Не могу свою протянуть: шрапнели для войны дѣлаю!

предупредилъ, какъ полагается. Или заплати мнѣ за мѣсяць впередъ, разъ ты служащаго человѣка разсчитываешь.

Хотѣлъ ѣхать въ Англію — не пускаютъ!

Какая же это свобода? Это уже черта осѣдлости!

* * *

Сейчасъ перечелъ все написанное. Грустно. Прочелъ съ удовольствіемъ. Призналъ за благо подписаться:

Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая. Эхъ, Гриша! Эхъ, Саша!

Ave.

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Праздникъ Пасхи — праздникъ примиренія. Эта норма заслуженно пользуется широкой извѣстностью.

Элегантные операторы несгораемыхъ кассъ приходятъ лобызаться съ секвестрированными пациентами, молодые убійцы вбрасываютъ сочные поцѣлуи въ губы ближайшихъ родственниковъ своихъ жертвъ, а суровые педагоги и тюремные надзиратели трогательно просятъ прощенія — первые у умученныхъ учащихся, вторые у выпоротыхъ арестантовъ.

Трещатъ губы, звенятъ поцѣлуи, слезятся напухшіе мутные глаза... Конецъ враждѣ! Всѣ — братья!!..

* * *

Въ 1917 году всеобщее примиреніе приняло массовый, эпидемическій характеръ.

Первымъ открылъ парадъ примиряющихся Булацель, захавшій съ визитомъ къ англійскому послу. Швейцаръ ни за что не хотѣлъ пропустить Булацеля.

— Нельзя, гражданинъ!.. Вы — нехорошій. Вы — не джентльменъ. Вы — не то, что у насъ называется «хайляйфъ ольдъ Ингланьдъ». Ходу, гражданинъ!

— Забудемъ раздоры, Гладстонъ! Пасха вѣдь! Представьте меня послу.

Булацель опрокинулъ швейцара, ворвался въ кабинетъ и представился послу.

— Знатный иностранецъ! Простите мои грѣхи... Я уже хорошій. Я даже англичанку нанялъ. Ей-Богу — каждый день, отъ четырехъ до шести... Позвольте облобызать ваши англо-саксонскія губы.

Посоль вѣжливо, но рѣшительно уклонился отъ поцѣлуя, сославшись на заповѣди гигиены. Швейцаръ дѣловито выбросилъ Булацеля изъ подъѣзда.

— Пасха бываетъ одинъ разъ въ году! — сказалъ Булацель примирительно.

* * *

Бузикъ пріѣхалъ въ Петроградъ безъ всякихъ определенныхъ намѣреній. Скептикъ и критицистъ по натурѣ, онъ не довѣрялъ революціи.

— Это все штучки!.. Сегодня революція, завтра революція, а послѣзавтра — опять право жительства.

— Бросьте нюнить. Поѣзжайте въ Петроградъ — сами убѣдитесь.

Бузикъ поѣхалъ въ столицу съ единственной цѣлью, какъ онъ говорилъ, «провѣрить республику». Отсутствие паспортистовъ и ласковая нѣга старшихъ дворниковъ разсѣяли скептицизмъ Бузика. Онъ ликовалъ и цѣлыми днями фланировалъ по Невскому.

... На углу Морской къ нему подошелъ старикъ въ бакенбардахъ.

— Вы еврей?

— Немножко.

— Позвольте васъ расцѣловать.

Бакенбарды прильнули къ выбритому подбородку Бузика.

— Цѣлуйте меня, израильтянинъ! Я — Горемыкинъ...

— Вы? Не можетъ быть!.. Настоящій?

— А Глобусовичъ божился, что вы уже повѣшены...

— Неправда. Вретъ вашъ Глобусовичъ. Позвольте васъ еще разъ облобызать, семить.

— Пожалуйста. Кушайте на здоровье!

* * *

Въ кабинетъ предсѣдателя Думы Родзянко вбѣжалъ растрепанный, дурно выбритый человѣкъ.

— Съ праздничкомъ васъ!.. Простите... Звенятъ колокола... Раскайяніе всякое... Я — Замысловскій. Не узнали? Богатымъ будете. Не звоните, ради Бога! Не надо арестовъ, не надо цѣпей... Къ чему мрачныя путы, когда жизнь такъ прекрасна... Я хочу цѣловать васъ...

* * *

Штюрмеръ прислалъ Милюкову поцѣлуи черезъ главнаго тюремнаго инспектора. Поцѣлуи были искренній и влажный.

«Николай золотые очки» обнималъ Бурцева. Скрывшійся Марковъ прислалъ телеграмму: «Петроградъ. Гражданину Керенскому. Поздравляю праздникомъ. Цѣлую. Здоровъ.

* * *

Праздникъ Пасхи — праздникъ всепрощенія. Это такъ же общепринято, какъ новогодніе визиты или рождественскій гусь.

... Гудѣли колокола...

Бор. Мирскій.

СРЕДНИЙ.

Герасимъ Ивановичъ Щуркинъ былъ именно то, что въ газетахъ называется «обыватель» и «средній человѣкъ».

Онъ, дѣйствительно, былъ средній человѣкъ: среднихъ лѣтъ, средняго роста, средняго образованія. Мѣсто на службѣ занималъ тоже совсѣмъ среднее. Если провести прямую линію отъ самаго пышнаго министра къ метельщику рельсъ конно-желѣзной дороги, и перегнуть эту линію пополамъ, то на мѣстѣ сгиба оказался бы именно Герасимъ Ивановичъ Щуркинъ — средній человѣкъ.

Нанималъ онъ съ женой своей Клавдіей Петровной квартиру въ три комнаты, изъ которыхъ одну сдавалъ студенту-косоворотнику.

Студентъ былъ парень славный, только немножко странный. Говорилъ какія-то трудныя слова: муниципализація, націонализація, капитализація и кухарку Федосью звалъ «прихвостнемъ капитализма».

Но самое странное въ студентѣ было то, что о немъ дважды справлялся околоточный надзиратель.

Клавдія Петровна послѣ этихъ посѣщеній надумала отказать студенту отъ комнаты.

— Ну его къ Богу. Онъ еще насъ всѣхъ подъ кнуты подведетъ.

Рѣшили выждать конецъ мѣсяца да и отказать.

А тутъ еще какіе-то безпорядки начались, трамваи остановились, народъ по улицамъ загудѣлъ.

У Герасима Ивановича къ счастью — бываетъ и такое счастье — щеку вздуло, все равно, приходилось дома сидѣть. А Клавдія Петровна очень обижалась: ни пройти, ни проѣхать, ходятъ рабочіе и лавки закрываютъ.

— И чего ходятъ? — удивлялась она. — Сами не знаютъ чего ходятъ, а ходятъ!

А тутъ опять околоточный заходилъ и про студента спрашивалъ.

— Дома его, батюшка, нѣту. А кабы былъ дома, мы бы сами попросили его насчетъ выхода. Мы его почитай и не видимъ, а видимъ такъ и не разговариваемъ. Даже и не смотримъ на него. Чего на него смотрѣть-то? Можетъ, онъ еще какой-нибудь такой... Ничего нѣтъ пріятнаго.

Кухарка Федосья пришла съ рынка сама не своя: бабы рассказывали, будто на той сторонѣ солдаты изъ пушекъ палятъ и будто приказано всѣхъ въ еврейскую вѣру переводить.

Герасимъ Ивановичъ насчетъ еврейской вѣры не повѣрилъ, но въ намѣреніи своемъ выгнать подозрительнаго жильца укрѣпился еще тверже.

— Это все его штуки. Безъ него тутъ не обошлось! Вотъ тебѣ и муниципалитетъ!

А студентъ все не возвращался.

Вечеромъ Клавдія Петровна надумала хитрое дѣло: пойти въ студентову комнату да сжечь въ печкѣ всѣ его прокламаціи.

Пошли шарить. Нашли два компрометирующихъ письма. Въ одномъ писали: «Дорогой Сеничка! одолжи трешку». Другое еще серьезнѣе: «Другъ любезный! ссуди пятишницу».

Герасимъ Ивановичъ, какъ мужчина, сразу понялъ:

— Это шифръ. Условныя слова.

Пошарили еще.

Нашли литографированныя лекціи по международному праву. Потомъ совсѣмъ было собрались уходить, анъ подъ столомъ записка.

Рис. Б. Антоновскаго.

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАЯ, САМОДЕРЖАВНѢЙШАЯ.

Александра Федоровна: — А ты, голубчикъ, гдѣ взять въ плѣнъ?

Нѣмецъ: — Подъ Двинскомъ. Въ атакѣ.

Александра Федоровна: — И кто же побѣдилъ: наши или русскіе?

«Поти. Полба. два ру.

Подмет. два ру.»

Испугались.

— Какая пальба? Какому двору? Почин. — это ясно, начинать значить. А вот «подмет.» — это что? Подметывать? Что подметывать? Господи!.. Бомбы, что ли? Двору... Дальше и догадываться было страшно.

Собрали все, сунули въ печку. Дули, дули, чтобъ скорѣй сгорѣло.

— Господи! Въ такое время! Кабы попало это все околоточному, сгнили бы всѣ на каторгѣ.

А на улицѣ народъ гудитъ все живѣй, все веселѣй.

— Чего они разгудѣлись? И чего только полиція смотреть?

Сбѣгала Федосья къ сосѣдней швейцарихѣ, принесла такія страсти, что Герасимъ Ивановъ даже прикрикнулъ:

— Плети, да знай мѣру!

А она все плела да плела. Будто судъ сожгли и участки всѣ пожгли и царевъ тронъ керосиномъ полили, паклей обмотали и какъ синь порохъ сожгли. Царь-то если пріѣдетъ, увидитъ, что състь не на чемъ, ну и повернетъ оглобли.

Герасимъ Ивановъ всю ночь притворялся, что спитъ, чтобы жену не путать. А на улицѣ все народъ гудѣлъ и зарево въ окошкѣ было видно.

А утромъ рано принесла Федосья листокъ «Извѣстія временнаго правительства».

Почитали. Ахнули.

Герасимъ Ивановъ, какъ мужчина, сразу догадался, что листокъ подметный.

Опросили Федосью.

— Нѣтъ, — говоритъ, — всѣмъ на улицѣ такіе раздають и всѣ читають. Скопомъ соберутся и читають.

— А городовые, что же смотрять?

— А городовыхъ всѣхъ подъ замокъ заперли.

— Та-акъ! (Ты бы съ ней, Клавденька, лучше, пока что, не разговаривала).

А къ окошку лучше и не подходить. Такое дѣлается, такое невиданное, неслыханное, что прямо жуть беретъ. Идетъ солдатъ, а на немъ красный бантъ у плеча. И мальчишки всѣ красными тряпками утыкались. А вонъ мужчина какой-то идетъ и красный флагъ держитъ. А за нимъ толпа. И все такіе веселые. А вонъ и еще солдаты теперь ужъ много, красные флаги несутъ, а публика имъ «ура-а!»

Герасимъ Ивановъ, какъ мужчина, сразу догадался.

— Знаешь, — говоритъ, — это по-моему, пожалуй, дѣйствительно, что-то начинается. Пожалуй, мы напрасно студентовъ-то прокламаціи жгли. Не было бы худа.

А днемъ пришли въ квартиру какіе-то солдаты тоже всѣ съ красными лентами, съ тесемками, человекъ десять. Обыскъ. А съ ними кто-то въ родѣ старшаго съ нашивками.

— Оружія не имѣете?

— Нѣтъ, нѣтъ, Господь съ вами, — лепечетъ Клавдія Петровна. — Да мы и стрѣлять не умѣемъ.

Герасимъ Ивановъ, какъ мужчина, отвѣчаетъ толковѣе.

— Помилуйте! у насъ еще на-дняхъ господинъ околоточный былъ и не нашель ничего предосудительнаго.

— Околоточный? Зачѣмъ былъ? — спросилъ старшой.

— А у насъ тутъ студентъ живетъ и прокламаціи...

— Ага! Товарищъ живетъ. Пойдемъ товарищи, — обернулся онъ къ солдатамъ, — здѣсь искать нечего, здѣсь товарищъ живетъ.

— Да-да, товарищъ, товарищъ! — всколыхнулся Герасимъ Ивановъ. — Именно товарищъ. Онъ мнѣ даже родственникъ, довольно близкій. Горячая голова! Только и рѣчи, что про эти, про муниципалія... извините, я отъ волненія не могу выговорить.

— Ужъ такой малый, ужъ такой малый, — запѣла ободренная Клавдія Петровна. — И встанетъ и ляжетъ, все съ прокламаціями, прямо какъ сынъ родной.

— Да-да... — суетился Герасимъ Ивановъ. — Мы бы вамъ показали, да жалко, кухарка по ошибкѣ сожгла. Молчи, Федосья, когда господа говорятъ.

Къ вечеру пришелъ и студентъ. Красный руками машетъ, словно пьяный.

— Свобо-ода! Да здравствуетъ республика!

— Тише ты, Господи, еще кто-нибудь услышитъ!

— Некому теперь слышать! Ура-а!

— Простите, голубчикъ, — пригорюнилась Клавдія Петровна. — Ужъ не посѣтуйте, я ваши прокламаціи-то сдуру въ печкѣ пожгла. Очень тамъ у васъ страшная была, видно про царскій дворъ, чтобъ палить и бомбы метать.

Рис. Миссъ.

ВСЕ ПЕРЕПУТАЛОСЬ.

— Ваше сіятельство! Въ Царское Село брать билеты или въ Красное?

— Чортъ его разберетъ, если теперь и Царское стало Краснымъ.

— Какая? Что? Ничего не понимаю.

— А такая бумажка маленькая, секретная: «Полба два ру, да подмет. два ру.»

— А! Такъ это отъ сапожника счетъ за починку полботинокъ, да за подметки. Ну, а теперь поцѣлуемся. Ура-а! Да здравствуетъ свобода.

— Да тише вы! Ей-Богу кто-нибудь...

— Некому! Некому! Всѣ заодно. Ура-а!

— Неужто, правда? — задумался Герасимъ Ивановъ, и вдругъ вскочилъ на подоконникъ и, распахнувъ форточку заоралъ во все горло:

— А коли такъ... коли такъ... околоточный дура-акъ! С..олоточный дура-акъ!

Со страхомъ и радостью.

— С..олоточный дура-акъ!

— Щекъ застудишь! — кудахтала Клавдія Петровна.

Герасимъ Ивановъ слѣзъ съ подоконника, немножко сконфуженный, дрожащими руками поправилъ съхавшую на распушей щекѣ повязку, подбоченился и сказалъ медленно и внятно:

— Захотѣлъ и кричалъ. Вотъ я каковъ! Я! Свободный гражданинъ Герасимъ Ивановъ Щуркинъ.

Подумалъ и прибавилъ:

— Да. Теперь я вѣрю. Ужъ коли я это могъ свершить — значитъ правда.

Тэффи.

НѢТЪ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА.

— Красной матеріи нигдѣ нѣтъ.

— Почему?

— А на флаги все расхватали.

— Зато красныхъ чернилъ сколько угодно.

— Почему?

— Цензоровъ нѣтъ.

Волкъ.

КЪ АРМІИ.

Гордись своей судьбой — быть жертвой искупленья,
Вы, смѣлые, ушли въ осенніе луга,
И въ подвигъ святомъ исполнены смиренья,
Какъ помощи, въ борьбѣ просили единенья
У тѣхъ, кому была отчизна дорога...

Грядущихъ дней весны вы свѣтлые предтечи.
Ужъ слышно, какъ шумятъ свободные ручьи,
И въ храмахъ теплятся, неугасая, свѣчи,
За вѣрныхъ сыновей, отдавшихъ грозной събчи
И душу, и любовь и помыслы свои...

Спокойны жъ будьте вы за нѣжныя святыни,
За семьи, за поля съ посѣвомъ молодымъ —
Забутыя досель холопами въ пустынь,
Они обласканы и ихъ расцвѣтъ отнынѣ
Мы бережно своей любовью сохранимъ!..

Сергій Михѣевъ.

1) Жиль былъ дѣдъ да баба, у нихъ была курочка ряба...

2) Снесла курочка яичко... Пухлое да тухлое...

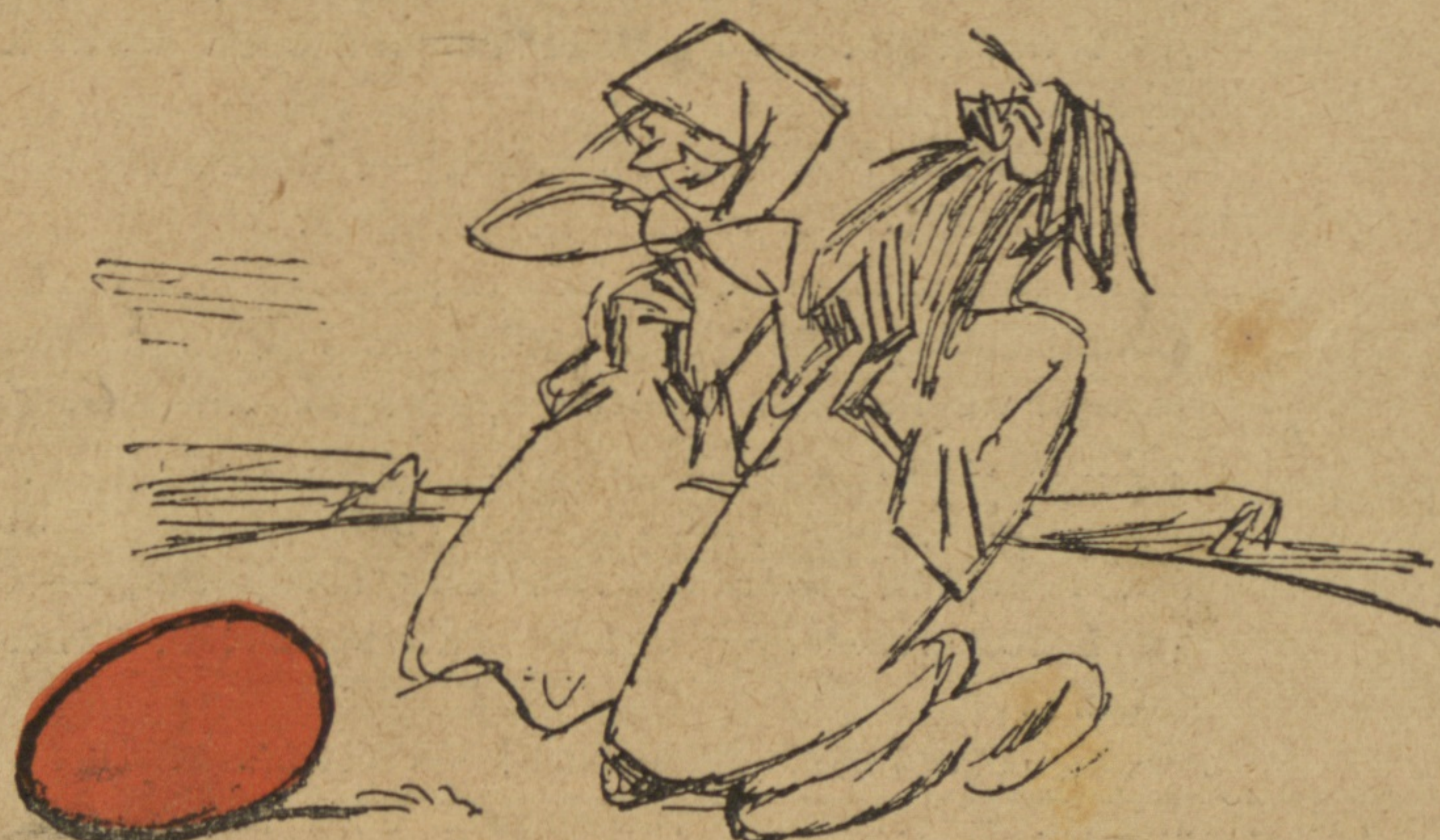
3) Бѣжала мимо мышка, махнула острымъ хвостикомъ...

4) Яичко упало и разбилось.

5) Дѣдъ не плачетъ, баба не плачетъ — тотъ и другой отъ радости скачеть...

6) Радуйся дѣдъ и баба! Бодро смотри впередъ... Новое яичко снесъ тебѣ народъ, а не курочка ряба!

ИСКРЫ И ПЕПЕЛЬ.

8. Дѣйствительно обидно.

Проталкиваясь сквозь толпу, краемъ уха я зацѣпилъ такой обрывокъ разсказа:

— Осужденъ онъ былъ къ тюрьмѣ на семь лѣтъ. И просидѣлъ онъ шесть лѣтъ съ большимъ хвостомъ. Десять дней всего сидѣть осталось... Вдругъ врываются революціонеры — освобождаютъ всѣхъ. Такъ онъ, вѣрите ли, прямо таки заплакалъ: лучше бы я ужъ свои 10 дней спокойно тутъ досидѣлъ. Очень мнѣ это обидно. Гдѣ же вы, черти, раньше были?!

ГАЗЕТЪ „ПРАВДА“.

Нѣтъ! Не все побило въ пламени,
Хоть костеръ три дня дымился:
Духъ, угасшій въ «Русскомъ Знамени»,
Въ лѣвой «Правдѣ» воплотился.

Красный.

— Не знаете ли, почему царскій поѣздъ такъ долго держали на ст. Бологое?

— Въ немъ везли предметъ далеко не первой необходимости...

Красный.

ИХЪ КУЛЬТУРНОЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ.

Смирные: — Эхъ! Не умѣли во времена Христа пользоваться этимъ орудіемъ! Вѣдь изъ одного креста двѣ хорошихъ висѣлицы можно сдѣлать!

Такъ было...

Такъ есть и будетъ...

СТАРОЕ И НОВОЕ.

— Господинъ милиционеръ!
 — Что прикажете?
 — Христось Воскресе.
 — Воистину.
 — Можно васъ на два слова?
 — Пожалуйста. Я слушаю.
 — Да нѣтъ... вы въ сторонку. Я тутъ не могу.
 — А что такое? Въ чемъ дѣло?
 — Съ праздникомъ васъ.
 — Спасибо. А это что такое? Что это вы мнѣ даете?
 — Это такъ себѣ. Конвертикъ.
 — Позвольте! Да тутъ деньги?!
 — Ну, какія это деньги! Съ праздникомъ васъ.
 — Спасибо!! Да деньги-то зачѣмъ?
 — Да съ праздникомъ же васъ, говорю!
 — Да спасибо, чортъ возьми, и васъ также! Деньги это чьи?
 — Мои.
 — Зачѣмъ же вы ихъ мнѣ даете?
 — А вѣдь праздникъ!
 — Я это знаю. Но при чемъ тутъ деньги? Вѣдь я же вамъ, несмотря на праздникъ, не даю денегъ!
 — Хи-хи. Какъ же вы можете дать. Вы — милиція. Вы брать должны.
 — За что?!!
 — Да праздникъ это или нѣтъ?
 — Тьфу, чтобъ ты сдохъ! Отвяжись отъ меня или я тебя въ комиссаріатъ отправлю.
 — Куда-а-а?
 — Въ комиссаріатъ.
 — Это что же за кушанье такое? Ваше благородіе, позвольте вамъ сказать: можетъ, вы думаете, у меня дворъ антисанитарный или что — такъ Боже упаси! А только полиціи на праздники завсегда по положенію...
 — Мы не полиція! Мы — милиція.
 — Да теперь ужъ я и самъ вижу, что толку съ васъ мало: вмѣсто полиціи какая-то милиція, вмѣсто участка — комиссаріатъ, взяткоу не берет. Нѣтъ, не настоящее это все. Ровно, какъ въ куклы играет. Ваше благородіе...
 — Я — гражданинъ, а не благородіе.
 — Ваше гражданство...
 — Ну?
 — А то бы взяли, а? Для порядку.
 — Тьфу!!!!
 Расходятся: милиционеръ злой, раздраженный, новоиспеченный гражданинъ — встревоженный, блѣдный, сбитый съ толку. Идетъ, шатаясь, шепчетъ: «Пришелъ конецъ міру сему: полиція взяткоу не беретъ!»

Медуза-Горгона.

ПАМЯТИ ПРИДВОРНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

(† 7 марта 1917 г.)

Былъ одинъ царь и было триста человѣкъ, которые слѣдили за его портретами въ журналахъ и газетахъ. Если бы было триста царей и одинъ человѣкъ, который слѣдилъ за ихъ портретами — все обстояло бы значительно лучше.

У него былъ бы весь день занятъ хлопотами.

— Вамъ что? Царскій портретъ помѣстить? Котораго? Ерлыхина. По списку 211-го. А вы не спутаете? Вмѣсто него 149-го, Фадюка не поставите? Нѣтъ? Ну, милости просимъ... Но историческая дѣйствительность показала худшее.

Былъ одинъ царь и триста человѣкъ, объединенныхъ однимъ жуткимъ названіемъ:

— Придворная цензура.

Проходя мимо каменнаго дома на набережной, гдѣ за сѣли эти люди, редакторъ съ дрожью въ голосъ говорилъ сыоому малюткѣ-сыну:

— Смотри, Иванъ: здѣсь придворная цензура.

И малютка плакалъ крупными дѣтскими слезами до самаго дома, гдѣ преждевременно сидѣлъ на рукахъ у гувернантки.

Первый поэтъ, котораго пригласили въ придворную цензуру для объясненій, прибѣжалъ потрясенный домой и написалъ незабываемую фразу о своемъ допросѣ: «сплетались горячія руки, уста прилипали къ устами и страстные дикіе звуки всю ночь раздавались тамъ».

Послѣднее поэтъ даже напечаталъ курсивомъ, такъ какъ ему хотѣлось показать, что кричалъ именно онъ и именно въ придворной цензурѣ.

Но потомъ, испугавшись административной высылки, сталъ заметать слѣды и приписалъ: на голосъ невидимой пэри шель воинъ, купецъ и пастухъ, предъ нимъ растворялись двери, встрѣчалъ его мрачный евнухъ.

Быть можетъ, въ то время, когда жилъ Лермонтовъ, въ придворную цензуру вызывали купцовъ и пастуховъ. Въ наше время туда являлись для объясненій только редакторы періодическихъ изданій. (Официальный постъ евнуха тоже былъ упраздненъ, очевидно, по манифесту 17 октября, рекомендовавшему свободу совѣсти).

Разговоръ между дежурнымъ чиновникомъ — пишу какъ очевидецъ и даже потерпѣвшее лицо — и редакторомъ изданія велся, приблизительно, въ такихъ тонахъ.

— Вотъ вы у меня запретили къ печатанію портретъ государя. Вотъ я совершенно не знаю, почему это произошло. Вотъ вы мнѣ и объясните.

— Какъ же, какъ же помню. Это въ журналѣ «Смѣхъ, слезы и искусство»?

— Нѣтъ. «Голосъ нефтепромышленника».

— Юмористическое изданіе, или религіозно-философское?

— Скорѣе послѣднее: голосъ нефтепро...

— Извиняюсь, это не я. Это господинъ Харлачихинъ, навѣрное. А можетъ кто другой, насъ здѣсь много. Поищите — кто. Сегодня не найдется, въ пятницу придете...

Редакторъ шель по комнатамъ, бѣгалъ по коридорамъ, сидѣлъ на ступенькахъ лѣстницы и собственными силами устраивалъ соотвѣтствующій моменту референдумъ:

— Скажите, это не вы зачеркнули мнѣ портретъ государя?

— Нѣтъ, нѣтъ... Развѣ я не понимаю, что печать, это шестая держава... А можетъ быть и я.

— А точно вы не помните?

— Нѣтъ. Да и некогда мнѣ. Спросите у Ивана Сергѣича. У него сегодня жена ридикюль потеряла, такъ онъ цѣлый день сердитый ходитъ. Его рукъ дѣло.

Иванъ Сергѣевичъ рѣшительно отказывался обосновывать свой поступокъ.

— Разъ зачеркнулъ, значить такъ надо. Я за это жалованье получаю.

— Можетъ быть, все-таки объясните...

Иванъ Сергѣевичъ иронически осматривалъ зачеркнутый портретъ и съ официальной улыбкой отвѣчалъ редактору:

— Лицо не нравится.

— Мое?

— Нѣтъ, ваше ничего. Я люблю, которые съ большими бровями. Ихъ лицо не нравится.

— Все-таки, знаете, государь, — оправдывался редакторъ, — такое ужъ ему лицо отъ династіи положено.

— У другихъ вотъ въ журналахъ все по законному, а у васъ и глаза у него куда-то смотрятъ... И выраженіе какое-то неопредѣленное.

— Да вѣдь съ натуры же снято.

— Разныя натуры бываютъ. Не могу-съ пропустить.

— А у меня уже журналъ напечатанъ. Четыреста тысячъ, — начинаетъ врать редакторъ, — шестьдесятъ тысячъ убытка. Жена, дѣти...

— Не могу-съ. Циркуляръ былъ такой, что выраженіе лица должно быть опредѣленное: никакихъ послабленій во внутренней и побѣда до конца во внѣшней.

— Собственно, если посмотрѣть справа, такъ и на этомъ портретѣ...

— Не могу-съ.

Тогда редакторъ начиналъ торговаться, какъ лошадиный барышникъ.

— Можетъ, тогда вотъ этого великаго князя пропустите?

— Конный, или пѣший?

— Пѣший. У себя въ кабинетѣ.

— Не могу-съ. Они любятъ, чтобы ихъ конными помѣщали.

— Неудобно это какъ-то, — мялся редакторъ, — вдругъ конный и у себя за письменнымъ столомъ... Въ слѣдующій разъ скажу фотографу. Можетъ, великую княгиню пропустите? Вотъ эту.

— Гдѣ снята?

— За чаемъ.

— Не могу-съ. Разъ раненыхъ нѣтъ — не могу. Безъ лазарета ихъ помѣщать не приказано.

— Тутъ какой-то генералъ сидитъ. Можетъ, онъ и раненый — въ севастопольскую, или турецкую, тамъ, кампанію.

— Можно.

— Можно? Благодарю, благодарю васъ...

И растроганный уходитъ редакторъ домой. Дома, съ холоднымъ компрессомъ на головѣ, онъ бился на холодномъ паркетѣ и заунывно пѣлъ о томъ счастливомъ времени, когда онъ служилъ податнымъ инспекторомъ и не думалъ о редактированіи журнала...

Теперь нѣтъ придворной цензуры... Какъ сейчасъ помню ея ласковое, полное привѣтливости и лоска лицо... Спи съ миромъ, честная труженица династическаго предприятия...

Арк. Буховъ.

ДОЖИЛИ - СЪ.

Монархія больше нѣтъ!

Вы меня извините.

Жила она 300 лѣтъ,

Полная силъ и прыти,

А теперь, извините, вся,

Была, извините, но вышла,

И, свободный гимнъ голоса,

Я скажу: «въ ротъ тебѣ дышло!»

Все это, конечно, плюсъ,

Но сколь всѣ ни бранись тамъ, —

Завинчу себѣ залихватски усы,

И желаю стать монархистомъ.

Не знаю, гдѣ ихъ притонъ?..

Не желаете?.. И не жалко!!

Выискался, подумаешь, Катонъ!

Тоже, извините, весталка!!

Теперь вотъ Пасха... Свѣтлый день.

Куличика бы мнѣ, яичекъ, сыру.

А на душѣ одна дребедень,

И мизантропія по всему міру.

Сядешь, бывало, жевать...

Ломится столъ отъ здобы.

Отнесутъ тебя на кровать...

Нѣтъ, ей-Богу, пойду въ юдофобы.

Не знаете, гдѣ ихъ вертепъ?

Не знаете... Ну, и не надо!

Ишь, какой гордый Фебъ!

Чисто какая наядя!

Нѣтъ, приду я въ свирѣпый ражъ,
Будетъ кое-кому плохо.

Супруга вѣблась въ суффражъ,
На собранія ходитъ Солоха.

И въ домѣ нѣтъ ни черта,

Ни яицъ, ни здобъ, ни мучки,

И кухня на ключъ заперта,

И записка виситъ на ручкѣ:

«Отработавъ 8 часовъ,

Сами вымойте въ лампѣ стекла.

А пойдете, закройте на засовъ.

Земля и Воля. Өекла!»

Такъ-съ!.. Восемь?.. Ну-ну...

Положимъ холодныя припарки:

Въ козлячій рогъ согну, —

Въ 4 ночи буду раздавать подарки...

... Пожую огрызокъ колбасы,

Что сумѣлъ у коллеги сжулить,

А теперь иду «на часы»,

Ворота свои караулить.

Значитъ, Святая ночь?!.

Очень, очень пріятно.

А я, — младшій дворникъ точь-въ-точь,

А могъ быть писателемъ, вѣроятно.

Ей-Богу, надежды подавалъ,

Ходилъ въ глаженной визиткѣ,

Редактировалъ эстетскій журналъ,

И даже обѣдалъ у «Давыдки»...

— Манька, куда пошла?..

Иди обратно, шкура!

Весь вредъ изъ вашего угла.

Опять у васъ политура.

Не удастся у меня пронести!

Спаивайте тутъ стрекулистовъ...

Вотъ доложу завтра въ части,

Пропишетъ тебѣ господинъ... комиссаръ.

— Извозчикъ, проѣзжай, братъ!..

Товарищъ, тутъ строго воспрещается...

О чемъ тамъ жулики говорятъ?..

И чего это Сенька мотается?

Значитъ, Пасха... А ты торчи,

Усталый, злой, озабоченный...

Что вы сдѣлали съ мной, палачи?!.

Евг. Вѣнскій.

(домовый уполномоченный).

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Веселое благородство.

Есть старая арабская пословица: укравъ лошадь, не дари, ея бывшему хозяину подкову.

Веселый Поль Крупенскій, если и знаетъ эту пословицу, придерживается ея, очевидно, не желаетъ, ибо газеты сообщаютъ что

П. Н. Крупенскій вмѣстѣ съ отказомъ отъ званія члена Гос. Думы въ связи съ получениемъ имъ 20.000 руб. изъ секретнаго фонда прислалъ во Временный Комитетъ чекъ на эту сумму. Временный Комитетъ отослалъ этотъ чекъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Что побудило Крупенскаго на такой жестъ отчаянія? Маленькое семейное несчастье: шапка загорѣлась.

Удачная замѣна.

Правильно выражаются въ провинціальныхъ паноптикумахъ:

— Большіе посторонитесь, пропустите маленькихъ.

Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Урусовъ предложилъ председателю суда для малолѣтнихъ преступниковъ Окуневу занять одно изъ зданій министерства внутреннихъ дѣлъ для нуждъ вышеуказаннаго суда.

Малолѣтніе преступники могутъ сказать облегченно:

— Мѣсто уже обсижено.

ВСЪМИ ЛЮБИМЪ

былъ бы, если бы въ свое время далъ народу
свободы.

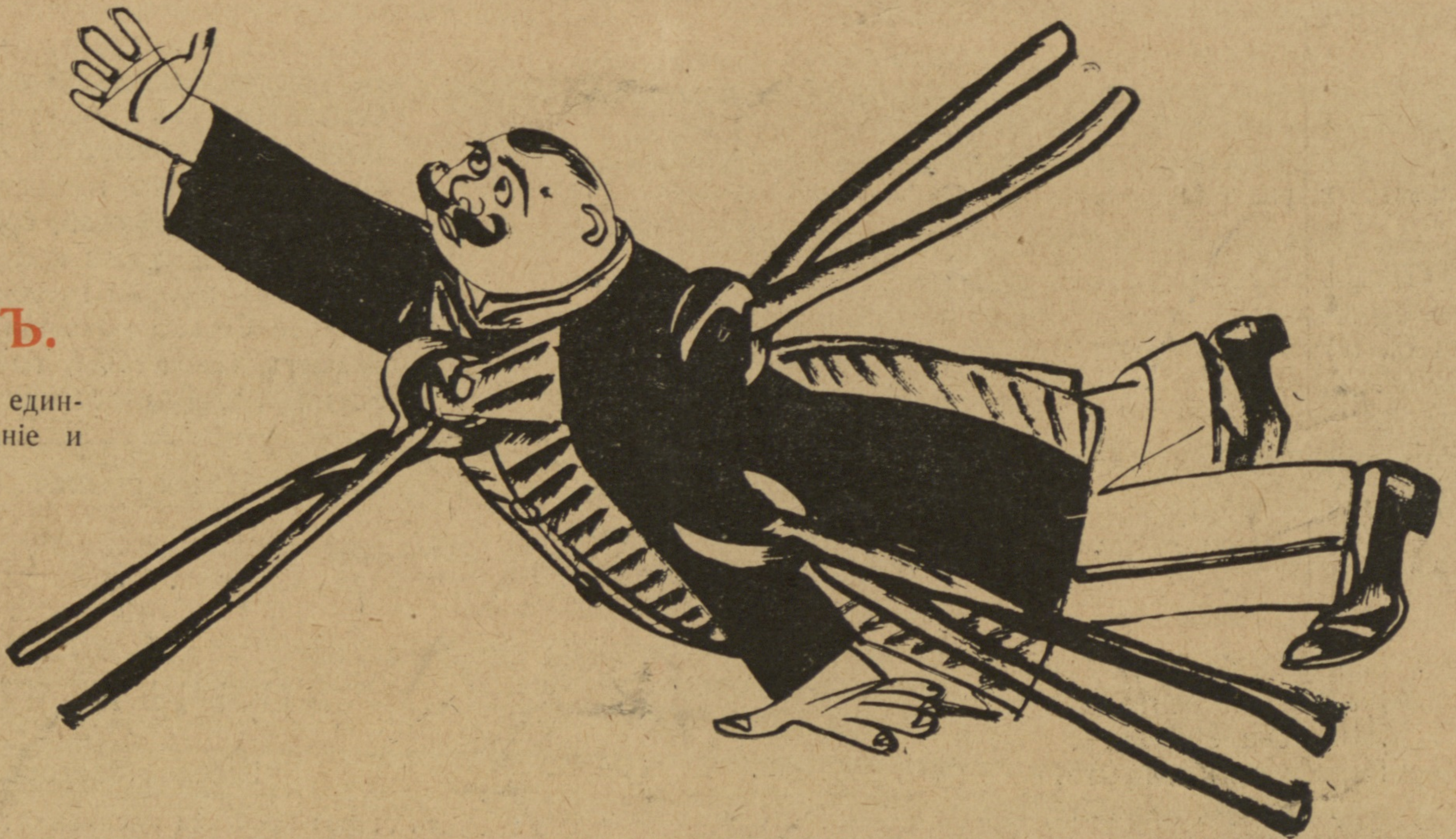
Утерянъ!

Утерянъ Марковъ II. Примѣты: руки въ крови,
изъ кармана торчитъ субсидія. Нашедшему полага-
ется одна треть — голова. Пусть повозится.

УРОДОНАЛЬ.

Протопоповъ: — Вотъ един-
ственное для меня оправданіе и
спасеніе!

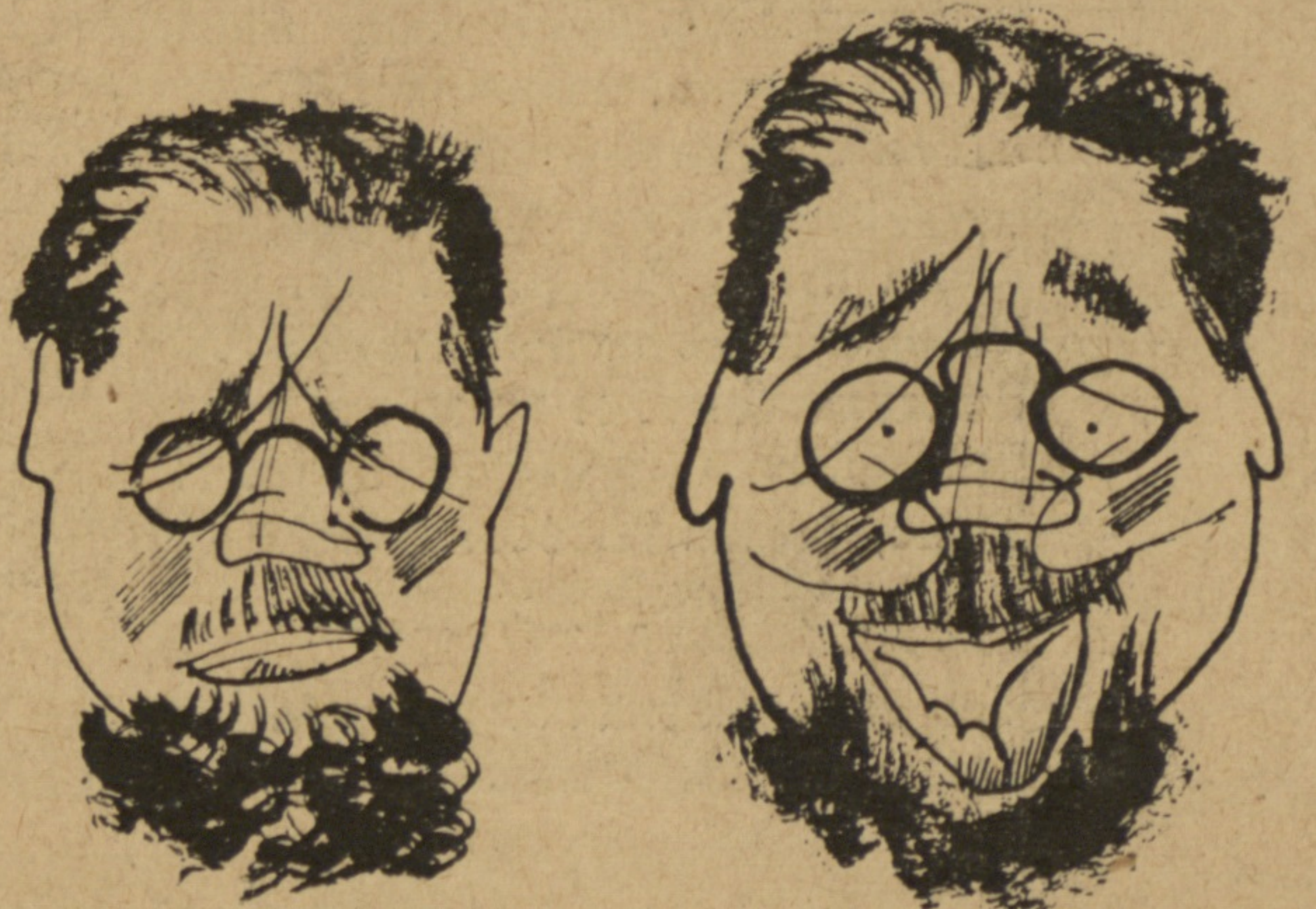

за 3 р. 90 к.

ОЧЕНЬ ДЕШЕВО!

НЕОБХОДИМО
КАЖДОМУ МОНАРХУ
МАССА ПОЛЕЗНЫХЪ ВЕЩЕЙ
за 3 р. 90 к.

высылается горностае-
вый отрѣзь на мантию,
шапка и карманный
радіотелеграфъ для пе-
редачи свѣдѣній нѣм-
цамъ.

Кремъ „МЕТАМОРФОЗА“.

Депутатъ Замысловскій.
До употребленія. Послѣ употребленія.

ПОЛОЖЕНІЕ ОБЯЗЫВАЕТЪ.

Рис. К. Грусса.

НѢМЕЦКІЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ — НА УЛИЦѢ.

— Пусть державы согласія видятъ, что и мы хотимъ взорвать наше правительство!

НѢМЕЦКІЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ — ДОМА.

— Амаля! Вставь новую сальную свѣчку въ эту бомбу. Прежня уже сгорѣла.

И У НИХЪ РАДОСТЬ.

Горностаи: — Ура! Наконецъ то и наши шкуры перестанутъ идти на мантіи!

БУДЕТЪ ВЕСЕЛО.

— Здравствуйте, голубчикъ! Страшно радъ. Садитесь! Ну, какъ чувствуете себя при новомъ строѣ?

— О-хо-хо!.. Тревожно на душѣ.

— Почему?

— Да такъ... Не вѣрится все... Вотъ-вотъ, кажется, проснешься и...

— Вздоръ! Выбросьте это изъ головы и живите бодро, весело.

— Да, оно конечно... Но только все-таки...

— У меня вотъ такое ощущеніе, какъ-будто крылья выросли. Ей-Богу! Чувствую право физическую легкость, о душевной я уже и не говорю. Нѣсколько ночей не могъ спать отъ радости. Ахъ, какая огромная, неожиданная радость! И какая интересная, чертовски веселая жизнь будетъ теперь у насъ, въ Россіи... Вотъ только надо раздѣлаться съ нѣмцами. Боже мой, какими скучными, жалкими кажутся мнѣ теперь нѣмцы со своимъ обожаніемъ Вильгельма, съ этимъ «Deutschland, Deutschland über alles», и прочей шелухой. Какъ все это смертельно скучно. Вообще абсолютизмъ, надо отдать ему справедливость, прескучная штука. Чудовищная зѣвота рветъ мои челюсти при одномъ воспоминаніи о нашемъ вчерашнемъ режимѣ. Господи, какой скучищей вѣетъ отъ всѣхъ этихъ манифестовъ, назначеній министровъ, поѣздокъ въ Царское Село, торжественныхъ рѣчей «и прочая, прочая, прочая», какъ писалось въ манифестахъ. Какъ все это убійственно бездарно, сѣро и скучно, скучно, скучно... Я всегда удивлялся, какъ имъ самимъ-то не осточертѣетъ все это. Возьмите, на примѣръ, програмную рѣчь любого министра. Вѣдь это же старая жвачка. Одинъ жеваль, жеваль, выплюнулъ, а другой подобралъ и опять жуетъ... А царскія поѣздки въ ставку! Только и читаешь, бывало: отбылъ въ ставку, возвратился изъ ставки. А зачѣмъ? Кому это было нужно?... Воображаю, какая тощица бывала въ царскомъ поѣздѣ. Вокругъ скучные, неумные люди, грубо, однообразно лъстящіе, постоянно нетрезвые, циничные... А-я-яй! Бѣдные, жалкіе! Они были всеильны, кажется, могли бы все сдѣлать—и ничего не сдѣлали, не могли сдѣлать. И если бы ихъ не отбросилъ прочь раздраженный народъ, они сами когда-нибудь пропали бы отъ скуки, перестрѣлялись бы или просто засохли, какъ засыхаютъ осенью мухи. Такъ-то, мой другъ! Скучна была старая Россія. Не умѣли у насъ веселиться, не умѣли смѣяться. Только, бывало, откроешь ротъ, чтобы засмѣяться, да вспомнишь вдругъ, что нужно въ участокъ идти, взятку нести, руки хамамъ жать, и не смѣхъ

радостный брызнуть, а зѣвота тягучая какъ слона поползеть...

— О-хо-хо-хо!.. Скучно-то какъ стало...

— Ага!.. Допекъ таки васъ. Такъ вамъ и надо! Не хнычьте!..

— Ну, не буду, не буду... Бросьте только старое вспоминать.

— Бросаю, съ наслажденіемъ бросаю. Было скучно, будетъ весело! Позвольте васъ обнять по сему случаю...

— Сдѣлайте ваше одолженіе!..

Красная Борода.

РАДОСТЬ ВОСКРЕСЛА.

Молчи, партеръ! Твои хлопки

Меня теперь не веселятъ:

Они такъ вялы и робки,

Ты такъ безцвѣтенъ, первый рядъ!

Галерка искрится, горитъ,

Вся ярко-красная, какъ кровь,

И ей гитара говоритъ,

И ей поетъ моя любовь.

Республиканка я, партеръ!

А ты? Кто ты? Ты не сказалъ,

А я хочу, чтобъ этотъ залъ —

Безъ полусловъ и полумѣръ —

Республиканскимъ заломъ сталъ.

Такъ скучно старымъ быть, когда

Сердца такъ молоды у всѣхъ.

Кто хочетъ жить, иди сюда:

Здѣсь радость жизни, звонъ и смѣхъ.

Не озирайся, гражданинъ,

Не будь такъ безнадежно сѣръ,

Мы всѣ съ тобой, ты не одинъ —

Дерзай, дерзай, больной партеръ!

Попробуй, милый, покраснѣй, —

Смотри, галерка какъ красна, —

Гори и пой, ликуй, пьянѣй,

Будь златозвоннымъ, какъ весна!

Лидія Лѣсная.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

Царское Село. Николаю Ром—нову. — Получили ваши стихи:
За царя, за Русь святую
Стойте грудью вы своей
И за то казну златую
Я отдамъ вамъ — ей-же-ей!

Стихи не къ моменту.

Алисъ Гес—ской. — Рукопись получили, но она такъ закапана слезами, что ничего нельзя прочесть.

Петропавловская крѣп. Генералу Сухом—нову. — Нѣтъ, планъ крѣпости намъ не нуженъ. У насъ журналъ. И потомъ гонораръ за это — 100.000 — слишкомъ великъ.

Протопопчкъ. — Въ стихахъ вашихъ видно постороннее влияніе: Отречемся отъ стараго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ.

Вы спрашиваете:

— Стоитъ ли мнѣ дальше работать?

Конечно. На примѣръ: возите тачку въ Акатуйскомъ рудникѣ.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 чзв.

5-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб. съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 коп.

ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 80 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 64. Телефонъ 644-56.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 64. — Телефонъ 644—56.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб., за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

<p><u>Аркадій Аверченко.</u></p> <p>О маленькихъ — для большихъ. (Разказы о дѣтяхъ.) Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>О хорошихъ, въ сущности, людяхъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Чернымъ по бѣлому. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Сатириконцы въ Европѣ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Чудеса въ рѣшетѣ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Разказы для выздоравливающихъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Веселья устрицы. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Круги по водѣ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Волчьи ямы. Цѣна 60 к.</p>	<p><u>Тэффи.</u></p> <p>Неживой Звѣрь. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Ничего подобнаго. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Дымъ безъ огня. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Карусель. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>И стало такъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <hr/> <p><u>Аркадій Буховъ.</u></p> <p>Жуки на булавахъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Чортово колесо. Цѣна 1 р. 50 к.</p>	<p><u>Юрій Слезкинъ.</u></p> <p>Повѣсти о странностяхъ любви. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p><u>Еома Опискинъ.</u></p> <p>(Съ предисловіемъ Аверченко и портретомъ автора.)</p> <p>Сорныя травы. Цѣна 1 р. 25 к.</p> <p><u>Владиміръ Воиновъ.</u></p> <p>Солнечные разказы. Цѣна 1 р. 25 к.</p> <p><u>Исидоръ Гуревичъ.</u></p> <p>Сигнальные ракеты. Цѣна 1 р. 25 к.</p>
<p><u>Сергѣй Горный.</u></p> <p>Почти безъ улыбки. Цѣна 1 р. 10 к.</p>	<p><u>Дмитрій Цензоръ.</u></p> <p>Легенда будней. (Лирика.) Цѣна 1 р. 25 к.</p>	<p><u>А. Мюрже.</u></p> <p>Богема. (Романъ.) Цѣна 1 р. 25 к.</p>

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ:

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Ора и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера. Обложки работы художника Ре-ми.

- 1) Осиновый колъ на могилу зеленаго змія. Цѣна 1 р. 50 к.
- 2) Теплая компанія (Съ кѣмъ мы воюемъ). Цѣна 1 р. 25 к.
- 3) Письмовникъ „Нов. Сатирикона“ съ приложеніемъ самоучителя танцевъ и тацновальн. разговоровъ. Цѣна 1 р. 25 к.
- 4) Физиологія и анатомія человѣка съ приложеніемъ психологіи человѣка. Цѣна 1 р. 50 к.
- 5) Всеобщая исторія, обработанная Сатириконцами. Цѣна 1 р. 50 к.
- 6) „Вѣстникъ Знанія Новаго Сатирикона“. Цѣна 1 р. 50 к.

Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.	Томъ 1-й.	8 одноактныхъ пьесъ.	Цѣна 2 р.
„	„	2-й. Монологи и миниатюры для сцены.	Цѣна 2 р.
„	„	3-й. Чортова дюжина (двѣнадцать пьесъ).	Цѣна 2 р.
„	„	4-й. Бенгальскіе огни (пьесы и водевили).	Цѣна 2 р.
„	„	5-й. Безъ суфлера (пьесы и монологи).	Цѣна 1 р. 50 к.
Тэффи.	„	1-й. 8 миниатюръ.	Цѣна 2 руб.
„	„	2-й. Новыя миниатюры.	Цѣна 2 руб.

Карманная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Выпускъ 1-й.	Ал. Гринъ.	Происшествіе въ улицѣ Пса.	Цѣна 50 к.
„ 2-й.	Гр. Алексѣй Толстой.	Оріонъ.	Цѣна 50 к.
„ 3-й.	Александръ Рославлевъ.	Князь изъ Альгамбры.	Цѣна 50 к.
„ 4-й.	„	Записки полицейскаго пристава.	Цѣна 50 к.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатирикона“.

Спеціальные выпуски дешевой библіотеки „Новаго Сатирикона“:

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12,
Аркадій Аверченко.
№ 13 Тэффи,
№ 14 Г. Ландау,
№ 15 Аркадій Аверченко,
№ 16 О. Л. Д'Оръ.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и прочемъ такомъ.
Пять чемодановъ.
Записки театральн. крысы.
Человѣки.
Позолоченныя пилюли.

Арк. Буховъ.

Цвѣтокъ въ петлицѣ.

Тэффи.

Зарево битвы.
Житье-бытье.

О. Л. Д'Оръ.

Проклятіе начавшимъ

Цѣна каждаго выпуска 15 коп.

25
2200/64

17200/1
306

Рис. А. Радакова. 443

1917
N13

ЕГО АЛЛЕЯ ПОБЪДЪ.

— Эхъ! Если бы они меня не свалили, я бы имъ всю аллею заполнилъ!